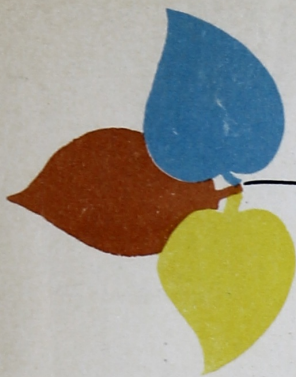

28.854 К 7

20
1977
ПОЭЗИЯ
АЛЪМАНАХ

20
АЛЬМАНАХ
1977
ПОЭЗИЯ

Из книг
Л.А. Розановой

МОСКВА
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»

1977

имена на поверке

«НАМ СТРАХ И ПОДЛОСТЬ БЫЛИ НЕ К ЛИЦУ...»

На окраине глухой, затерявшейся в смоленских лесах деревушки Баранцево погиб, сражаясь с фашистами, 8 февраля 1942 года политрук пулеметной роты стрелкового полка, студент-выпускник Московского университета Николай Майоров. За два года до гибели суровыми и гордыми строками поэт Майоров пророчески сказал о себе, о своих боевых друзьях, о бессмертии своего поколения:

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд.
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них живые говорят.

После первых публикаций его стихов в «Ивановском альманахе» и других изданиях в конце сороковых — начале пятидесятых годов столничная критика, занятая жестокими и громкими спорами о физиках и лириках, об «интеллектуалах» и «почвенниках» и проч., долгое время не жаловала вниманием отличные стихи вполне сложившегося, самобытного поэта незаурядного дарования. А в четвертом томе «Краткой литературной энциклопедии» поэту уделен лишь крохотный столбик из тринадцати строк. Лишь недавно друзьями Майорова и исследователями его творчества буквально по крупицам были бережно собраны стихи, не печатавшиеся при жизни поэта, разбросанные по страницам частных писем, рукописных журналов, хранившиеся у родных рядом с похоронкой. Тут особенно велики заслуга его школьного друга и одноклассника — ивановского поэта В. Жукова, старшего товарища Майорова студенческих лет В. Болховитинова — нынешнего редактора журнала «Наука и жизнь», подруги поэта И. Пташниковой, литературоведа П. Куприяновского.

Николай Майоров родился и вырос в семье крестьянина-бедняка, ставшего затем плотником в Иванове. В этом городе-труженике прошло детство поэта, здесь рано, как у большинства очень одаренных поэтов, проявились его литературные способности. Добрую память о родных и земляках, об их тяжелых натруженных ладонях поэт сохранил до конца своих дней:

Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами,
Глаза мои обращены на всех.

Блестяще окончив среднюю школу, очень собранный, энергичный и работоспособный юноша, далекий от мечты о ранней литературной славе, поступает учиться на исторический факультет МГУ, где вскоре обна-

На снимке: Николай Майоров (с права) и поэт Владимир Жуков. Октябрь 1941 года. Фотография публикуется впервые.

ружил незаурядные способности не только поэта, но и серьезного ученого-исследователя. Тут, в многотиражке «Московский университет», были опубликованы первые его стихи. Других публикаций ему при жизни увидеть не довелось. По странному решению тогдашнего ректора МГУ был рассыпан набор студенческого сборника стихов, уже подготовленного к печати, где было немало стихотворений Н. Майорова. Но он не гордился, не гнался за признанием и славой, несмотря на добрые отзывы друзей и старших наставников, среди которых были признанные мастера стиха — П. Антокольский, И. Сельвинский и другие. Серьезные занятия в университете Майоров сочетает с учебой в Литературном институте. И находит время для постоянной работы над стихами. Он за короткий срок написал очень много. И очень много читал, знал наизусть поэтов самых разных — Блока и Маяковского, Есенина и Багрицкого...

Интересны воспоминания поэта В. Жукова, встречавшегося с Майоровым летом 1938 года во время студенческих каникул: «...в наших местах (а жили мы на окраине Иванова) разбился самолет... В суровом молчании на холодный горький песок первой в нашей мальчишеской

На снимке: Николай Майоров (справа) и К. Титов — друг и одноклассник поэта, ныне заслуженный артист Латвийской ССР. Октябрь 1941 года. Фотография публикуется впервые.

жизни братской могилы друзья-летчики возложили срезанные ударом о землю винты самолета. А вечером Коля читал стихи, которые заканчивались строфой:

О, если б все с такою жадной жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
Как память ими взятой высоты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы».

В эти годы все ясней и ясней очерчивается главная тема творчества Майорова — тема жизни, побеждающей смерть, тема мужества и бесстрашия, беспредельной преданности долгу.

В наши дни широко известным стало стихотворение Николая Майорова «Мы», вынесенное в заглавие его последнего сборника. Без малейшего преувеличения можно сказать, что никто из поэтов с такой полнотой и силой не воплотил в стихах обобщенный образ молодого поколения нашей страны предвоенных лет, как Майоров в этом стихотворении. В нем страстная жажда созидания, нетерпеливое стремление к новым, совершенным и чистым формам жизни, максимализм требований к себе и товарищам, умение подчинить свои чувства долгу во имя высших интересов Родины:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла,

И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников...

Суровая самоотреченность, самозабвенная верность долгу вовсе не равнозначны монашескому аскетизму. Как и все молодые поэты, Майоров много писал о любви. И тут поэт остается верен себе. Его любовная лирика отличается удивительной энергичностью и мужественностью, в ней жарко бьется пульс честного и сильного человека, далекого от сентиментальных вздохов, остро ощущающего ритм земной жизни, ее радости и печали. Словами суровыми, подчас резкими для такого рода поэзии, поэт славит силу большой и мучительной порою страсти, облагораживающей человека, ведущей его на большие дела:

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом,
И все ж любить ее такую!..
.....
Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать, и знать, что не придут.
Не спать ночей, недосчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал,
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не досягал, —
Найти вещей извечные основы.
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

Нет тут и тени подражания кому-либо. Эти стихи не спутаешь с другими. В них чисто майоровская интонация — строгая чистота, «обнаженность» слова, бешеное кипение ритма, который как бы рвется под внешней броней суровости, подчеркнутой сдержанности каждой строки. И тут вновь — в самом широком смысле этого слова — обобщенный образ души и сердца молодого человека советской эпохи, концентрация его лучших моральных качеств.

Поражает точность и — не будем бояться этого слова — мудрость в отборе слов и образов. Какое большого поэта отняла у Советской России война!

...В самое тяжелое для Родины время — 18 октября 1941 года Николай Майоров добровольцем ушел на фронт. Через три с лишним месяца его не стало. Точнее — он шагнул в бессмертие:

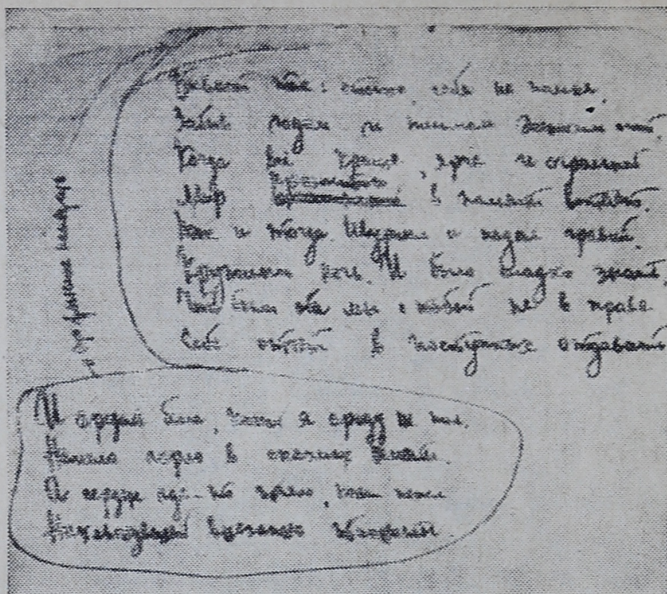
О нашем времени расскажут.
Когда пройдем, на нас укажут
И скажут сыну: — Будь прямой.
Возьми шинель — покроешь плечи,
Когда мороз невмоготу,
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу.

Uspol.

...
...
...

Hov, a hupat utam vor cupu tea!
Ite vor hupat. Hupate vor e yst.
Uspol vor, a vor vor vor o pulat
Koravate vor, koravate h vor
Ene vorat, vor vorat a vorat
Me vorat a vorat na vorat,
Koravate vor vorat a vorat...
I vorat vor. Vor e vor vorat
Voravate vorat. Vor vor vorat,
Vor vor - vorat, a vor vorat - vorat,
A vorat h vorat vorat a vorat
Vor vorat vorat a vorat.

Ite vor hupat. Uspol a vorat utat.
A vorat vorat a vorat, vorat
Vor vorat a h vorat vorat
Uspol h vorat vorat vorat
A vorat vorat. U vorat vorat vorat.
Uspol vor vorat vorat. U h vorat
Vorat vorat vorat vorat
U vorat vorat vorat. Vorat vorat
A vorat - vorat. Vorat vorat a vorat
Uspol. Vorat a vorat vorat.
Vorat vorat vorat vorat a
Vorat vorat vorat. Vorat
Vorat vorat vorat. U h vorat vorat.
Vorat vorat a vorat, a h vorat
Vorat vorat vorat. Vorat vorat vorat.
Vorat - vorat. Vorat - a vorat

Бессмертье без лавровых венков, мавзолеев и почетных наград. Бессмертье в суровой солдатской могиле, наспех выдолбленной в неласковой промерзшей земле на Смоленщине...

Как и другие молодые советские поэты, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны, Н. Майоров пророчески предсказал свою судьбу и сказал об этом спокойными и строгими словами, которые так сродни героизму русского человека:

Пусть помнят те, которых мы не знаем:
нам страх и подлость
были не к лицу.
Мы пили жизнь до дна
и умирали
за эту жизнь,
не кланяясь свинцу.

К последнему письму Николая Майорова любимой женщине были приложены стихи автопортрета поэта:

Тебе, конечно, вспомнится несмелый
и мешковатый юноша,
когда
ты надорвешь конверт
армейский белый
с осьмушкой похоронного листа...
Он был хороший парень и товарищ,
такой наивный, с родинкой у рта.
Но в нем тебе не нравилась
одна лишь
для женщины обидная черта:
он был поэт, хотя и малой силы,

но был,
любил
и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла
и ни любила, —
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг
перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!
Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудаки,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки...

Конечно, слова о «четырех строчках Пастернака» не следует понимать буквально. В этом резко заостренном образном выражении — клятва беззаветной верности искусству, что называется, до гробовой доски.

Годы, прошедшие со дня смерти Николая Майорова, явились лучшей проверкой достоинств его поэзии. Его душевно чистые, честные, всегда напряженно страстные стихи удивительно точно передают ритм жизни и духовный облик молодого человека не только конца 30-х — начала 40-х годов, но и нашего времени. Они покоряют сердца все новых и новых читателей. С благодарностью вспоминают они поэта, который в своих стихах — по-юношески угловатых, но вместе с тем подкупающе искренних, сердечных, — сказал потомкам о судьбе своего героического поколения:

Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Но как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «человек»!

Никто не забыт, ничто не забыто. Пришла к читателю и поэзия Николая Майорова.

Вадим РУЖИНА,
кандидат филологических наук, доцент Бельцкого пединститута

Николай Майоров

ЗАКАТ

Где-то в небе
за Дунаем,
у склонившихся Карпат,
перья желтые роняя,

таял розовый закат.
Ветры спали солнца ради,
тени с гор в равнины шли.
Кто-то долго нежно гладил
грудь истерзанной земли.
И она вздыхала томно
в ослепительный опал:
в небе плыл закат огромный,
перья желтые ронял.

1937

ЕГО ГЕРОИ

Здесь подлецы и казнокрады,
свинные рыла и подлог.
Чинуши, ждущие награды,
царя владетельный сапог.
Здесь городничих легионы
суды негласные вершат.
Здесь мелких тварей миллионы
вприпрыжку в ведомства спешат.
Секут детей. Считают деньги.
Сбивают цены. Спорят. Лгут,
бород заржавленные веники
уткнув в свой приторный уют.
Здесь держиморды с их замашкой.
Здесь даже вор бывает прав.
Здесь сам Ноздрев играет в шашки
и шашки пичкает в рукав...
...И сколько их,
пустых святош,
среди отъявленных уродов,
один с другим, как капля, схож!

1938

НОЧЬ

Это все знакомо и понятно.
Скрипнет дверь. Потом забрешут псы...
И от рам неровной тенью
пятна
упадут бесшумно на часы.

Стрелки медлят. Дразнят — не иначе,
и считают время — не проспи.

Так пересчитывает сдачу
скупой и недоверчивый кассир.

Но тебе вставать еще не скоро
и, наверно, слушать надоест,
как, не находя удобных мест,
чьи-то тени ходят коридором.

1938

АВГУСТ¹

Ты для меня и музыка, и сон,
Последний снег, осенняя прохлада,
И всплеск последний града,
И ночь, что подступает под балкон
Великолепьем августовским сада.

Я весь в тебе. Давай поговорим,
Пока мы здесь вдвоем, неотделимы.
Как дышим мы дыханием одним
И не живем, а медленно горим
И даже уловляем запах дыма.

Так навсегда меж нами повелось:
Считать обидой легкое участие,
Над чувствами не ставить выше власти,
С ума сходить от бронзовых волос
И шепотом рассказывать о счастье.

Будь для меня постылою простудой,
Будь горною тропею до небес.
Я не спрошу, — зачем ты и откуда?
Будь для меня одним великим чудом
Из тех семи прославленных чудес!

Будь для меня и небом и землей,
Пошли на смерть, корми тяжелым хлебом!
Я всем плачу тебе: собой,
Словами лучшими и славой ветровой,
За эти руки, пахнущие небом!

ДЕТСТВО

Я был влюбленным в лес и в воду,
В простую радость, в игры на дворе.

¹ По воспоминаниям друга Николая Майорова К. Титова, стихи «Август» и «Детство» были написаны в 9-м и 10-м классах.

Курил табак. Крал тайно из комода
Отцовский карабин, хранимый в кобуре.

Друзья мои, — владельцы птичьих клеток,
Невинных снов, диковинных гвоздей, —
В часы нужды курили листья с веток,
Дрались у игрищ, крали голубей.

На все был спрос, к любой покупке повод.
Превыше всех коллекций старины
Ценились карабин и книжка «Овод»,
Для них, казалось, не было цены.

Мир был предельно прост и ясен.
И за пригоршню пятаков
Мы покупали мыслимое счастье,
Закованное в тяжести подков.

* * *

...Он для тебя украсит стены
И скажет: «Славой ослеплю!»
А я опять останусь с теми,
Которых вовсе не люблю.

И в смене встреч и длинных будней
Тебя я вспомню, изумлюсь!
Все тяжелей и безрассудней,
Все непонятней становлюсь.

Я не пойму, моя отрада,
Как можно в этакое стране
Всю жизнь пройти с тобою рядом
И все ж остаться в стороне.

ЗОВ ЖИЗНИ

Был долог бабий блуд на сеновале.
Пока чернело небо без стрижей, —
ворочались, потели, целовали
в тупые переносицы мужей.
А мужики лежали как пласты, —
дневная ноша плечи им растерла.
Тяжелые нательные кресты,
как тараканы, выбились на горло.
Сквозь крышу шел густой полынный запах,
и прежде чем отдаться вдоволь сну,

не торопясь кузнец в тяжелых лапах
сжимал и тешил глупую жену.
Так мнет горшечник розовую глину,
склонясь над ней, как древний ворожей.
Так парни тащат за полночь к овину
бесстыжих хуторянок от мужей.
...Дорога шла вразвалку от села
за рожь, в кусты, в душистые осины.
Там девка парня статного вела,
в глаза глядела, за виски брала
и рассказать о звездах не просила.
А что услышишь в тишь такую:
то ли влага бьет в суку,
то ль тетерева токуют
в ночь такую на току?..

1940

ДЕД

Меня ты просишь, чтоб о деде
я по порядку рассказал.
Как он рубил углы соседям,
чужие бревна воровал.
И как любил свое он дело,
как постарел он и зачах,
и как медлительно горела
над ним рублевая свеча,

когда желтеющие ноги
он протянул вдоль половиц,
и как, ступая от порога,
крестясь, старухи пали ниц,
как, помянув отца и сына
и всех апостолов зараз,
они выдавливали силой
слезу притворную из глаз.

1938

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция альманаха «Поэзия» выражает благодарность поэту В. Жукову и К. Титову за предоставленную возможность опубликовать ранее неиздававшиеся стихи их друга Николая Майорова.

